

Маркевич Болеслав Михайлович

Марина из Алого Рога

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Б79

Б79 **Болеслав Михайлович М.**
Марина из Алого Рога / Маркевич Болеслав Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 218 с.

ISBN 978-5-519-95442-6

ISBN 978-5-519-95442-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

переплетая ноги и тѣсно прижимаясь боками къ сторонамъ тяжелаго ящика, выносили его изъ залы.

— Такъ я и посмотрю на твою современность! отгрызся Иосифъ Козьмичъ, медленно шагая за ними и не покидая ящика озабоченнымъ взглядомъ.

— *Geschichte der neuen Philosophie* von Cuno Fischer, продолжала читать дѣвушка, слѣдя за числомъ книгъ по каталогу.—Есть. *Parerga und Paralipomena*, von Arthur Schopenhauer, два тома. Тутъ. *History of civilization in England* by Thomas Buckle. Она прочла „Бюкль“—и вдругъ догадалась.—Ахъ, Боже мой, да это *Бокль*! Бокль въ оригиналѣ! повторила она съ торжествомъ, и на ея крупныхъ, и какъ слѣлая вишня алыхъ губахъ сложилась мгновенно полуудивленная, полупрезрительная улыбка. Въ ея понятіяхъ Бокль былъ *такая современная и передовая книга*—сама она впрочемъ никогда не могла осилить „эту книгу“—что она никакъ не могла себѣ ее представить въ рукахъ закорюзлаго аристократа и капиталиста, какимъ несомнѣнно долженъ былъ быть этотъ *противный графъ*, у котораго въ одномъ ихъ уѣздѣ тридцать тысячъ десятинъ земли и три каменные *дворца*, какъ говорятъ въ ихъ Сѣверской сторонѣ крестьяне.... А между тѣмъ нельзя было также усомниться что „этотъ Бокль“ принадлежалъ тому самому графу: она сама вытащила эти два толстые тома вмѣстѣ съ другими изъ ящика и, какъ Пушкинская Татьяна, могла даже замѣтить на поляхъ ихъ „слѣды его карандаша“.... Она еще разъ дернула плечомъ и равнодушно зѣвнула....

— Что же, онѣ тутъ лежать останутся, или на полки ихъ уставить? спросилъ, возвращаясь изъ передней, Иосифъ Козьмичъ, указывая на книги толстымъ перстомъ, на которомъ блестѣлъ огромный сердоликовый перстень съ вырѣзаннымъ на немъ гербомъ древняго рода Самойленковъ.—Какъ по-вашему современнѣе, Марина Осиповна? примолвилъ онъ, уже подсмѣиваясь.

— Какъ хотите.... Вотъ здѣсь свободно, отвѣчала она, обводя глазами залу, всѣ простѣнки которой заняты были полками огромной старой бібліотеки Завалевскихъ, и останавливая ихъ на одномъ пустомъ мѣстѣ.—Только если уставлять,—позовите кого-нибудь, я свое дѣло сдѣлала, и устала ужасно....

— А пусть себѣ на столѣ останутся, рѣшилъ Иосифъ Козьмичъ,—самъ пріѣдетъ, куда захочетъ туда и ткнетъ.... Тол д

ко что жь его нѣтъ до сихъ поръ? Главноуправляющій вынулъ часы. — Поѣздъ приходитъ четвертаго въ половинѣ, а теперича осьмой въ началѣ; неужто жь имъ 25 верстъ нужно тащиться четыре часа? Собственныхъ своихъ саврасыхъ подъ него послалъ съ Лаврентіемъ.... Человѣкъ не пьющій.... Развѣ самъ не пріѣхалъ, а заставилъ меня даромъ во фракъ наряжаться? Отъ такого шелалута и этого неуваженія, пожалуй, ожидать можно! фыркнулъ въ заключеніе господинъ Самойленко, надменно вылучивая впередъ животъ свой.

— Откудава писалъ онъ вамъ что пріѣдетъ? спросила Марина.

— Изъ Санктъ-Петербурга, и въ письмѣ аккуратно обозначены день и часъ....

— Такъ онъ въ Петербургѣ теперь живетъ? поребила его дѣвушка.

— А кто его знаетъ! Предпослѣднее письмо изъ Лондона было.... А предъ тѣмъ годъ ровно не писалъ ничего. А въ позпрошломъ годѣ изъ Америки получилъ я отъ него цыдулку: выслать ему двѣнадцать тысячъ въ Парижъ.

— Онъ и въ Америкѣ былъ? воскликнула дѣвушка.

— А тамъ бы ему и оставаться! прорвался на это вдругъ Іосифъ Козьмичъ.—На что ему сюда пріѣзжать? Только лутать станетъ да мѣшать....

Господинъ Самойленко не договорилъ, но его раздувшіяся ноздри и поджатыя губы говорили достаточно о досадѣ и глубокомъ безлокойствѣ которыя причинялъ ему этотъ нежданый пріѣздъ его патрона.

Упершись головой на обѣ руки, дѣвушка внимательно слѣдила за выраженіемъ его лица, и странная улыбка блуждала въ складкахъ ея рта:

— Какъ же онъ вамъ мѣшать будетъ, сказала она,—когда онъ совсѣмъ не реальный человѣкъ и никакой практической почвы подъ нимъ нѣту?

— Да, толкуй себѣ—практической почвы нѣту! качнулъ головой Іосифъ Козьмичъ.—Всѣ они теперь за практику взялись, какъ и половны у нихъ прежнихъ доходовъ не стало.... Только изъ практики-то этой лока все у нихъ одинъ лшикъ выходитъ, домодвилъ онъ, взвезално хихикнувъ. — Вѣдь прочія-то имѣнія онъ чуть не всѣ, говорятъ, передалъ какой-то родственницѣ, княгинѣ Солнцевой; остаются у него теперь одни *мочи*....

— А на долго ему ваших хватить? вдругъ засмѣялась Марина.

Иосифъ Козьмичъ не понялъ и вопросительно обернулся на нее. Но глаза ея были опущены и съ какимъ-то почти печальнымъ отгѣнкомъ въ голосъ спросила она:

— Молодъ онъ еще?

— Какое молодъ! Когда я, объяснялъ господинъ Самойленко,—по просьбѣ покойнаго дяди его, графа Константина Владиміровича, вступилъ въ управленіе Алорожской экономіи,—этому теперь двадцать первый годъ пошелъ, онъ ученіе свое кончалъ въ Москвѣ, въ университетѣ, потому покойный графъ, какъ теперь помню, велѣлъ ему выслать шесть тысячъ на экипировку...

— Такъ онъ теперь ужъ совсѣмъ старикъ?

— Ну, не совсѣмъ, возразилъ, крякнувъ, Иосифъ Козьмичъ,—а до моихъ лѣтъ, пожалуй, и не такъ далеко ему...

— И такой-же онъ какъ вы... *облый?* засмѣялась опять Марина, употребляя вычитанное ею гдѣ-то выраженіе, которое ей очень нравилось, и изображая руками по воздуху странную округлость Иосифа Козьмича.

— Не видалъ я его никогда, а должно-быть пожиже будетъ, самодовольно отозвался господинъ Самойленко, — потому не тотъ ихъ родъ совсѣмъ. Я въ дѣда вышелъ, въ генераль-поручика....

— Опять аристократничать начали, про родъ свой и про дѣдушку генераль-поручика! насмѣшливо воскликнула Марина.

Злобно глянулъ на нее господинъ Самойленко, и лысина его мгновенно побагровѣла.

— Ты такъ глупо разсуждаешь, закричалъ онъ на дѣвучку,—потому... потому въ тебѣ кровь... И какъ бы слохватившись, тотчасъ же мягче примолвилъ: сумбуръ одинъ изъ книгъ-то своихъ вычитала!...

— Ничего тутъ книги не виноваты, хладнокровно отвѣчала она, хотя лицо ея мгновенно поблѣднѣло,—а только какъ вы себѣ тамъ ни толкуйте, а все же онъ, каковъ ни есть, *графъ*, а вы его управляющій....

— А мнѣ наплевать на этого графа, совсѣмъ ужъ разсвирѣлѣлъ Иосифъ Козьмичъ.—Завтра съ нимъ попрощаюсь, такъ, можетъ, почище его самъ графъ буду!...

Онъ обернулся вдругъ всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ, пой-

мавъ на лету взглядъ Марины, съ любопытствомъ обращенный къ дверямъ выходившимъ въ садъ.

Онѣ были раскрыты наполовину, и изъ-за нихъ господинъ Самойленко различилъ кого-то ему незнакомаго, подымавшагося по ступенькамъ лѣстницы, что вела изъ сада въ библіотеку.

— Кого вамъ угодно? крикнулъ онъ гнѣвно, подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ перемолвки своей съ Мариной.

— Я ищу здѣшняго управляющаго, отвѣчалъ густой и въ то же время мягкій, словно звукъ виолончелевой струны, голосъ — и на порогѣ залы показался человѣкъ довольно высокаго роста, въ изношенномъ сѣромъ пальто, съ блѣднымъ, усталымъ лицомъ и густыми, почти совершенно сѣдыми волосами, падавшими со всѣхъ сторонъ большими взъерошенными кольцами.

— Кого вамъ? повторилъ свысока управляющій.

— Осипа Кузьмича Самойленко, отвѣчалъ нововошедшій, подымая на него большіе и усталые, какъ и вся его наружность, глаза.

— Іо-сифа Козьмича, поправилъ его господинъ Самойленко;—онъ предъ вами....

— Ахъ, это вы.... я очень радъ, проговорилъ тотъ, очевидно нѣсколько озадаченный такимъ пріемомъ. — Я.... я графъ Завалевскій....

Іосифа Козьмича точно черепицей съ крыши по головѣхватило. Онъ совершенно растерялся.

— Ваше сіятельство, помилуйте, залопоталъ онъ, прижимая обѣ руки къ груди и толоча на мѣстѣ словно помимо его воли заходившими лямками,—какъ же вы такъ.... лѣшкомъ.... и черезъ садъ?... За вами послана.... четверня, въ каляскѣ.... Неужели...?

— Очень вамъ благодаренъ, поспѣшилъ сказать графъ,—лошади ждали насъ у станціи желѣзной дороги, и мы отлично ѣхали, но тутъ, верстахъ въ четырехъ, на гати, лопнула у насъ шина на колесѣ. Къ счастью, тутъ же недалеко оказалась кузница, куда мы кое-какъ дотащились.... Со мною одинъ пріятель ѣдетъ, князь Пужбольскій,—онъ тамъ остался съ людьми, пока наварятъ новую шину, а я предпочелъ дойти сюда лѣшкомъ....

Господинъ Самойленко между тѣмъ успѣлъ овладѣть собою; ему стало ужасно досадно за то невольно овладѣвшее

имъ чувство припущенности и страха, которое онъ выразилъ въ первую минуту предъ графомъ, да еще въ присутствіи Марины,—и закинувъ голову назадъ:

— Такая непріятность съ каждымъ можетъ случиться, увеличенно развязнымъ тономъ заговорилъ онъ, — я кучеру своему далъ приказаніе запречь лошадей въ экипажъ въ которомъ я ѣзжу самъ, и, конечно... очень жалѣю... но провѣрять крѣпость шинъ не входило въ кругъ моихъ соображеній... и, такъ-сказать, обязанностей...

Іосифъ Козьмичъ остался очень доволенъ этимъ изъясненіемъ независимости своей и достоинства, и съ торжествомъ на челѣ покосился на Марину. Но она не глядѣла на него и все въ томъ же положеніи, у стола, упершись головой объ обѣ руки, съ какимъ-то нетерпѣливымъ любопытствомъ въ загорѣвшихся глазахъ, слѣдила за каждымъ словомъ, за каждымъ движеніемъ Завалевского.

А графу понравилась выходка его управляющаго. „Не работаетъ, по крайней мѣрѣ“, подумалъ онъ.

— Мнѣ было бы очень досадно еслибъ этого со мною не случилось, весело сказалъ онъ: — Я пошелъ одинъ по дорогѣ... и, вообразите, послѣ двадцати ляти лѣтъ отсутствія, узнавалъ мѣста, припоминалъ, угадывалъ... Я такъ былъ радъ, — старый дубъ, другъ моего дѣтства, подъ которымъ я заучивалъ mensa, mensae, онъ все тутъ, и я — такъ это крѣпко застѣло у меня въ памяти съ тѣхъ поръ — отсчиталъ 85 шаговъ отъ него до калитки сада. Вышло ровно такъ, улыбнулся Завалевскій, и такой доброй, сердечной улыбки никогда еще не видала Марина...

— А не изволили вы замѣтить, смягчаясь вдругъ, спросилъ Іосифъ Козьмичъ, — когда вы остановились у кузницы, въ какомъ видѣ былъ кузнецъ?

— Онъ очень мраченъ, сколько я могъ замѣтить, продолжалъ улыбаться тотъ.

— То-то, ненадеженъ, — закапризничаетъ случаемъ, такъ и до самой ночи, пожалуй, провозится съ работой... Я лучше отправлю сейчасъ шарбанъ за княземъ, а вещи привезутъ на подводѣ... Вѣдь и люди съ вами?

— Съ Пужбольскимъ его камердинеръ; со мною никого, отвѣчалъ графъ, опускаясь въ кресло и съ задумчивою улыбкой обводя взоромъ кругомъ себя.

— Я сейчасъ прикажу... И припоминая:—книги ваши

прибыли только вчера, сказалъ г. Самойленко,—она вотъ, по порученію моему, разобрала....

Онъ кивнулъ головой на Марину и на столъ съ книгами, и вышелъ изъ покоя.

Завалевскій разстѣянно глянулъ по направленію стола, смутно замѣтилъ женщину, машинально вскочилъ съ мѣста и пробормотавъ „mille pardons“, такъ же машинально принялся то-ропливо подвязывать распустившійся галстукъ. Но мысли его были далеко; онъ не замѣтилъ ни небрежнаго до невѣжливости поклона, какой сочла обязанностью своею отпустить ему Марина, ни разбѣжавшій ее смѣхъ, когда онъ, постоявъ нѣкоторое время на мѣстѣ, опустился снова въ кресло и, не обращая уже на нее никакого вниманія, принялся бормотать что-то про себя, какіе-то стихи, и даже нѣмецкіе, такъ какъ до ея слуха явственно донеслись слова: „schwankende Gestalten“, и потомъ „Herz“, и затѣмъ что-то еще непонятное....

— Вы устали съ дороги? крикнула она ему неожиданно съ напускною рѣшимостью, въ сущности ей было почему-то очень неловко.

— Я?...

Завалевскій встрепенулся словно ото сна, поднялъ опущенныя вѣки—и при горячемъ трепетаніи широко падавшего на нее въ эту минуту столба свѣта увидѣлъ предъ собою странное, поразившее его своею оригинальною красотою созданіе. Изъ-подъ почти черныхъ бровей, очерченныхъ красивою и смѣлою дугой, глядѣли прямо на него большіе лучистые голубые глаза, съ выраженіемъ какой-то ребяческой дерзости и простодушнаго недоумѣнія.—Отчего ты такой совсѣмъ особенный? казалось, говорили эти недоумѣвавшіе и умные глаза. Неправильный, нѣсколько грубоватый рисунокъ слегка вздернутаго носа и пышныхъ, молодыхъ губъ, широкія плечи и, изъ-подъ шитой рубашки, роскошныя очертанія бюста, напоминавшія франкфуртскую Аріадну, матовый, безъ тѣней, но яркій, словно позолоченный цвѣтъ кожи и низкій, гладкій лобъ, по обѣимъ сторонамъ котораго, закрывая уши, свободно спускались волны русыхъ волосъ, сливавшихся гдѣ-то сзади въ одну огромную косу—все это исполнено было такой жизни, силы, своеобразія, въ этомъ молодомъ обликѣ было что-то такое свѣжее, непочатое,—почвенное, внутреннею сказалъ себѣ Завалевскій,—что всѣ артистическія струны его существа гремятъ въ немъ вдругъ какимъ-то всезаглушающимъ

аккордомъ. Онъ закинулъ голову, ударилъ рукой объ руку и воскликнулъ:

— Ахъ, какъ вы красивы!...

— Что-о? грубо и обиженно отрѣзала она ему въ отвѣтъ, метнувъ на него гнѣвнымъ взглядомъ, между тѣмъ какъ все лицо ея озарялось пожаромъ.

Онъ покраснѣлъ еще рѣшительнѣе чѣмъ она, взъерошилъ въ замѣшательствѣ свои волосы и проговорилъ слегка дрогнувшимъ голосомъ:

— Ради Бога, извините меня.... Я бываю иногда разсѣянъ до безобразія.... Но вы, смѣю надѣяться, не можете думать чтобъ я намѣренно.... При этомъ свѣтъ.... и вашъ костюмъ.... и эти волосы—мнѣ представилось....

Марина глянула на него изподлобья и вдругъ разразилась оглушительнымъ, неудержимымъ смѣхомъ...

— Ахъ, какой вы шутъ уморительный! воскликнула она въ свою очередь.

Дико зазвучала въ первую минуту эта примитивная откровенность въ ушахъ графа. Но смѣхъ дѣвушки былъ такъ искрененъ, такъ общителенъ,—онъ былъ внѣ всякаго кодекса свѣтскихъ приличій, но за то всѣ приличія взятые вмѣстѣ не стоили этого свободного молодого смѣха. Завалевскій почувствовалъ это — и расхохотался въ одну ноту съ Мариной...

Онъ подошелъ къ столу со стороны противоположной той у которой она стояла и взялъ первую попавшуюся ему подъ руку книгу.

— Осипъ.... Иосифъ Козьмичъ, поправился онъ, — говорилъ сейчасъ.... вашъ батюшка? прервалъ онъ себя, вопросительно поведя на нее взглядомъ.

Она кивнула утвердительно, помаргивая все еще смѣявшимися глазами.

— Онъ говорилъ сейчасъ, продолжалъ графъ,—что вы дали себѣ трудъ привести мои книги въ порядокъ?

— Дала себѣ этотъ трудъ, и даже очень утомилась таская ихъ изъ ящика, насмѣшливо проговорила дѣвушка, такъ и ожидая что „смѣшной старичокъ“, какимъ сейчасъ представился ей Завалевскій, подастъ ей немедля новый поводъ къ смѣху.

Но онъ неожиданно для нея замолкъ мгновенно, и мысль его,—она поняла это,—далеко отлетѣла отъ нея, ото всего окру-

жавшаго его въ эту минуту. Онъ безсознательно перебиралъ пальцами по книгѣ оставшейся въ его рукѣ, и глядѣлъ недвижно въ окно, откуда видѣлась безконечная лѣсная даль съ ея померкавшими въ тѣняхъ набѣгавшаго вечера вершинами. Его лицо приняло опять свое усталое, чтобы не сказать унылое, выраженіе. Но Марина, одною шириной стола отдѣленная отъ него, успѣла разглядѣть его тонкія черты, его длинныя блѣдныя пальцы и нѣжную шею подъ помятыми воротничками цвѣтной рубашки, и съ удивленіемъ спрашивала она себя: „да старикъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ?“...

— У васъ, къ сожалѣнію, все больше англійскія книги, говорила она громко, чтобы сказать что-нибудь: не то досаду, не то какую-то странную жалость подымала со дна ея души непонятная ей унылость этого человѣка.

Онъ опять словно проснулся и какъ бы совершенно позабылъ все что было предъ этимъ. Онъ уложилъ локти на столъ и съ доброю своею улыбкой уставился прямо въ лицо Марины.

— А вы по-англійски не читаете?

— Нѣтъ, сказала она; — я по-французски знаю порядочно, по-нѣмецки хуже, а по-англійски совсѣмъ нѣтъ,—не учили....

Онъ помолчалъ, потомъ спросилъ:

— А вообще вы много читаете?

— Да, все что попадется, я очень люблю....

Онъ покачалъ головой — и ничего не сказалъ.

Но Марина поняла его неодобреніе и отпустила тотчасъ же колкимъ тономъ:

— А по-вашему, разумѣется, женщина должна ничему не учиться и ничего не читать!...

Онъ не отвѣчалъ, какъ бы соображая, и продолжалъ покачивать головою:

Она было вскинулась „развивать ему свои убѣжденія“ относительно „женскаго вопроса“, но вдругъ пріостановилась.— Лучше пусть онъ спрашиваетъ, подумала она, — *доказать* всегда успѣю....

Онъ дѣйствительно спросилъ ее, читала ли она повѣсть?

— Да.... нѣкоторыхъ, отвѣчала она не сейчасъ, такъ какъ нѣкоторое время прошло въ колебаніи: слѣдуетъ ли признаться въ этомъ, или нѣтъ?

— И любите? неумолимо допрашивалъ Завалевскій.

— Такъ себѣ, средственно, пояснила она. И бѣлые, ровные

какъ подобранная нить жемчуга зубы сверкнули подъ приподнявшеюся верхнею губой Марины.

— Кого-же, напимѣрь?

— Ну, Некрасова, разумѣется....

— Разумѣется, повторилъ онъ съ какою-то невеселою усмѣшкой.—А Пушкина?

На устахъ ея сложилась легкая гримаска.

— Да, онъ мнѣ нравится, сказала она, — только вѣдь онъ не развитъ....

— Что-съ? Какъ вы это сказали? чуть не съ ужасомъ вскрикнулъ графъ,—это Пушкинъ *не развитъ*?...

— Ну, конечно! съ торжествующею улыбкой подтвердила она.

На этотъ разъ графъ подумалъ что она дѣйствительно его въ глаза дурачить. Но онъ ошибался. Бѣдная Марина дѣйствительно была „убѣждена“ что Пушкинъ „не развитъ“. Ей это преподалъ одинъ учитель изъ семинаристовъ, сосланный въ Глинскъ за участіе въ какой-то „политической агитаціи“ и переведенный оттуда „за пропаганду вредныхъ социалистическихъ ученій“ — какъ значилось въ казенной бумагѣ,—въ дальнюю сѣверную губернію. Когда онъ уѣзжалъ съ жандармомъ изъ города, уѣздныя почитательницы его поднесли ему у заставы букетъ изъ левкоевъ и булавку для галстука; булавка изображала кинжалъ, по лезвію котораго микроскопическими буквами вырѣзано было одно таинственное слово: *Гармодію*. * Идея кинжала и надписи принадлежала самому „мученику“, а деньги на символическій подарокъ, заказанный одному Жиду - мельнику, который въ то же время былъ и часовыхъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ, собраны были по подпискѣ, въ которой участвовала и Марина. Какъ же было ей не повѣрить на слово такому авторитету?... А инья стихотворенія Пушкина, какъ нарочно, такъ нравились ей, такъ забирали ее за душу.... Но все-же таки „онъ былъ не развитъ“, упрямо говорила она себѣ....

II.

— Шарбанъ и подвода отправлены, возгласилъ г. Самойленко, возвращаясь въ залу, и примолвилъ офиціальнымъ

* Гармодій, при помощи друга своего Аристогитона, умертвившій Гиппарха, одного изъ двухъ тирановъ аѳинскихъ.

тономъ:—въ столовой собраны всѣ лица принадлежащія къ управленію Алорожской экономіи; если вашему сіятельству угодно будетъ....

— Ахъ, нѣтъ, ради Бога, Ос... Іосифъ Козьмичъ, воскликнулъ графъ въ какомъ-то перепугѣ,—я ненавижу всякую казенщину.... избавьте меня, пожалуйста!... И замѣтивъ обиженное выраженіе которое внезапно изобразилось въ чертахъ г. Самойленка:—Позвольте, позвольте мнѣ прежде всего, послѣдшилъ онъ сказать,—познакомиться, подъ вашимъ руководствомъ, съ самымъ дѣломъ.... а затѣмъ вы мнѣ всегда успѣете представить.... если это необходимо.... подначальныхъ вамъ лицъ....

Іосифъ Козьмичъ самодовольно наклонилъ голову: это было даже болѣе чѣмъ онъ ожидалъ.

„Ни съ дѣломъ, ни съ людьми во вѣки вѣковъ не быть тебѣ знакомымъ, милый мой!“ рѣшилъ онъ въ умной головѣ своей.

— Да не угодно ли вамъ будетъ, Владиміръ Алексѣевичъ, весело и развязно заговорилъ онъ, понявъ какъ-то сразу, en bloc, что за человѣкъ былъ Завалевскій и почитая вслѣдствіе сего за лучшее не называть его ни „вашимъ сіятельствомъ“, ни „графомъ“, — не хотите ли съ дороги закутить чего-нибудь?...

— Нѣтъ, я нисколько не голоденъ.... Чаю развѣ....

— Сейчасъ устроимъ.... Марина ступай распорядись!...

— Ахъ, зачѣмъ вамъ беспокоиться! живо обернулся на нее графъ.

— Она у меня хозяйка, съ достоинствомъ произнесъ Іосифъ Козьмичъ, какъ бы желая дать ему почувствовать что это молъ единственно изъ гостепріимства оказывается тебѣ внимательность.

— Что, вы въ стаканѣ пьете? спросила Марина Завалевскаго, скользнувъ по немъ своимъ лучистымъ взглядомъ.

— Въ чашкѣ, если позволите, — я въ гусарахъ не служилъ, примолвилъ онъ, смѣясь.

Марина такъ и покатилаь.

— А кто въ стаканѣ пьетъ тотъ непременно былъ гусаръ? спрашивала она, сама удивляясь тому изъ-за чего сдѣлалось ей такъ вдругъ весело, и, указывая пальцемъ на Іосифа Козьмича, — то-то видно сейчасъ что онъ былъ военнымъ